

М.С. Гаджиев,
В.М. Юсуфов

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ДЕРБЕНТСКОЙ АЛБАНСКОЙ НАДПИСИ

Письменность – это не только величайшая культурная ценность человечества, но и важнейший показатель уровня социально-экономического и культурно-исторического развития общества, один из главных признаков цивилизации. Письменность самым тесным образом связана с историей и культурой народа. Именно благодаря письму, древним памятникам письменности мы имеем сегодня довольно образное и относительно полное представление об исчезнувших за несколько тысячелетий до нас племенах, народах, цивилизациях. И этим обусловлено пристальное внимание представителей различных научных дисциплин – лингвистов, историков, археологов к древним письменам, горячий и живой интерес общественности к заговорившим или все еще недешифрованным письменным памятникам прошедших веков и тысячелетий. В числе таких загадочных писем до последнего времени оставалось и письмо Кавказской Албании, пока в преддверии 2000-летия христианства известный грузинский ученый, директор Института рукописей им. К. Кекелидзе АН Грузии, профессор Заза Алексидзе не обнаружил в монастыре св. Катерины, известном как Синайская обитель, кавказско-албанские рукописи-палимпсесты. В настоящее время эти памятники письменности исследованы международной группой ученых-лингвистов, дешифрованы, прокомментированы и изданы (*Girpert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P.*, 2008; рец.: *Майсак Т.А.*, 2010. С. 88–107). Ныне тайна албанской письменности раскрыта.

Но этому великому открытию в области албанистики предшествовали долгие поиски памятников албанской письменности, которые сопровождались реальными и мнимыми открытиями, остроумными предположениями и безуспешными попытками дешифровки, откровенными фальсификациями и околонучными спекуляциями.

Первым письменным памятником, принятым за образец албанской письменности, была хорошо известная так называемая дербентская надпись (рис. 1), которая до последнего времени оставалась недешифрованной, неразгаданной и в большой мере загадочной, так как со времени ее открытия около 120 лет назад никто из специалистов в XX в. ее не видел.

Эту надпись впервые издал в своей книге «Страна Алуанк и ее соседи» (Тифлис, 1893) епископ Мака́р Бархударян (1832–1906), бывший в 1889–1892 гг. проповедником кафедрального собора Шемахи, а в 1895–1896 гг. руководителем Шемахинской епархии. По его данным, надпись располагалась «на башне Б, на северной стене с внешней стороны, в саду П. Андреаса Закаряна». Нужно сказать, что наряду с церковной и церковно-педагогической деятельностью М. Бархударян занимался также плодотворной литературной, научной и краеведческой работой. Среди его трудов историко-географического характера особую ценность представляют книги «Страна Алуанк и ее соседи» (1893), «История страны Алуанк» (1902), «Арцах» (1895). Как он сам писал, он желал «своими глазами увидеть расположение страны, руками ощупать все памятники старины, внимательно проверить эпитафии, говорящие и безмолвные камни, стоячие и разрушенные постройки...». Конечно же, исторические памятники Дербента не могли пройти мимо его историко-краеведческого взора. Так называемая дербентская надпись была обнаружена им, по-видимому, в период 1889–1892 гг. Он же выдвинул предположение, что эта надпись, включающая десять знаков, представляет «буквы албанского письма» и «имеет связь с формами месроповских древних букв» (*Бархударян М.*, 1893. С. 119).

В 1896 г. эту надпись переиздал архиепископ Месроп Смба́тян (1833–1911), который был главой Шемахинской епархии в 1883–1895 гг. По всей видимости, информацию о

надписи и ее рисунок ему были предоставлены М. Бархударяном. М. Смбалян, будучи любителем старины, краеведом, собирателем древних памятников письменности (ассирийских, урартских, древнеармянских), членом Московского Императорского археологического общества, в поисках древних надписей, в том числе албанских, побывал в различных местах Ширвана. Возможно, он также видел эту надпись, будучи с визитом в Дербенте. В своей книге «Описание древностей Шемахинской епархии» он почти буквально повторяет сведения о ней, ранее приведенные М. Бархударяном. И он также принял ее за албанскую (*Смбалян М.*, 1896. С. 248).

Дербентская надпись впоследствии неоднократно издавалась специалистами, и ни один из них не поставил под сомнение ее подлинность, хотя взгляды на ее этнокультурную принадлежность были различны. Так, Р.А. Ачарян проникательно полагал, что здесь мы имеем дело с видоизмененными куфическими буквами (*Ачарян Р.*, 1928. С. 479). Д.П. Карбелашвили считал, что «язык надписи, действительно, остается неизвестным, но не трудно в ней опознать грузинские и армянские заглавные буквы церковного письма» (*Карбелашвили Д.П.*, 1935. С. 260). А.Г. Шанидзе, не соглашаясь с мнением Р.А. Ачаряна, одновременно отмечал, что буквы албанского алфавита из эчмиадзинской рукописи № 7117, выявленной в 1937 г. (и в которой наряду с другими алфавитами приведен и албанский), и литеры дербентской надписи «настолько разнятся между собой, что без натяжки ни одной албанской буквы нельзя признать идентичной с какой-либо буквой надписи. Поэтому читать ее посредством нашего ключа нельзя» (*Шанидзе А.Г.*, 1938. С. 53–54. Рис. на с. 54). К.В. Тревер включила эту надпись в список сомнительных албанских надписей (*Тревер К.В.*, 1959. С. 337–338. Рис. 45). Но даже такой авторитет в языкознании, как Г.А. Климов, допускал вероятность прочтения этой надписи на албанском языке (*Климов Г.А.*, 1972. С. 53).

И действительно некоторыми исследователями были предприняты попытки ее дешифровки и прочтения. Так, например, С.Н. Муравьев, осуществивший поиск надписи в 1980 г. и полагавший, что она была воспроизведена неверно и ее следует читать в перевернутом виде, предложил, изменив начертания ряда литер, свой перевод на основе удинского языка – «ограда ворот», что синонимично среднеперсидскому Дарбанд (*Муравьев С.Н.*, 1981. С. 281–282).

Недавно Й. Гипперт и В. Шульце в вышеупомянутом капитальном издании кавказско-албанских палимпсестов вновь издали дербентскую надпись и указали, что она чрезвычайно отличается от аутентичных албанских текстов и «не может интерпретироваться на основе кавказско-албанских палимпсестов», но, тем не менее, представили возможные варианты ее транслитерации и транскрипции на основе албанской графики (*Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P.* (eds.), 2008. P. II, 39. Fig. 43–46).

Наконец, недавно Р. Лолуа, проанализировав графику этой надписи, вновь высказал сомнения не только в том, что это образец албанской эпиграфики, но и в самом существовании надписи (*Лолуа Р.*, 2008. С. 250–251).

Публикация этой надписи такими авторитетными людьми, как М. Бархударян и М. Смбалян, увлеченно занимавшимися научно-краеведческой работой, не внушала многим исследователям, как видно из приведенного обзора, сомнений не только в ее существовании, но и в ее адекватном воспроизведении ими. Тем более что информация М. Бархударяна и М. Смбаляна создает впечатление, что они оба (возможно, вместе) видели эту надпись. Действительно, знаки этой надписи имеют некоторое графическое сходство с капитальными (заглавными) буквами и армянского, и грузинского, и албанского алфавитов, но не являются таковыми. Это породило легенду о так называемой Дербентской албанской надписи, которую неоднократно пытались обнаружить в наше время.

Поисками этой надписи занимались и авторы статьи, обследовавшие буквально каждый камень северной оборонительной стены города. В 1990-х гг. эти поиски проводились в рамках выявления и изучения знаков строителей и среднеперсидских надписей Дербента середины VI в. Тогда в ходе проведенных работ было открыто несколько ранее неизвестных среднеперсидских (пехлевийских) надписей (см.: *Гаджиев М.С., Касумова С.Ю.*,

2006) и несколько сотен знаков – своеобразных «автографов», вырезанных на стенах города и которыми строители удостоуверили свое участие в «стройке века» – в возведении, говоря словами Мовсеса Каланкатуаца, «великолепного сооружения между морем Каспийским и горами Кавказа» (*Каланкатуаца*, 1984. С. 78). Помимо памятников среднеперсидской эпиграфики на оборонительных стенах были зафиксированы и средневековые арабские надписи.

Среди них особый интерес представляет куфическая надпись (рис. 2), обнаруженная в 1996 г. недалеко от ворот Даш-капы (Шуринские ворота) на внешнем (наружном) фасаде северной городской оборонительной стены. Надпись расположена на высоте около 3,5 м на узком длинном камне размером 95×18–21 см. Надпись фрагментарная, вырезана в высоком рельефе, занимает почти все поле камня и окаймлена сверху и снизу бордюром шириной около 3 см; толщина линии букв около 1,5 см, высота букв 12–13 см. Судя по качеству резьбы, соразмерности, пропорциям геометризованных букв и слов, надпись выполнил профессиональный резчик-каллиграф (араб. *хаттат*) по камню.

Как известно, куфическое письмо использовалось для переписывания, воспроизведения священных религиозных текстов, сур, изречений Корана. Данная надпись не представляет исключения. Ниже мы представляем любезно сделанный перевод этой надписи, осуществленный проф. А.Р. Шихсаидовым и Н.А. Тагировой (ИИАЭ ДНЦ РАН), которым выражаем искреннюю признательность.

Транскрипция: ...мун лаху ма фи-с-самавати...

Перевод: ...со]н. Ему принадлежит то, что на небесах...

Данная надпись представляет собой фрагмент суры 2 («Корова»), аята 255, известно как «Престольный стих»: «Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего. Не овладевает Им ни дремота, ни сон. Ему принадлежит то, что на небесах и на земле» (Коран. 1963. С. 44). По своим палеографическим данным надпись датируется XI–XII вв., возможно – X–XI вв.

По всей видимости, каменный блок с данной надписью, являющейся фрагментом «Престольного стиха», представляет собой часть архитектурного декора – крупного эпиграфического фриза, украшавшего какое-то недошедшее до нас монументальное культовое здание Дербента (араб. Баб ал-абваб) X–XII вв., скорее всего мечеть или высокопочитаемый зийарат. Следует отметить, что «Престольный стих», считающийся одним из самых значимых и описывающий Личность Всевышнего, часто изображался на стенах и порталах мечетей. Данная надпись является важным памятником арабо-мусульманской эпиграфики и искусства резьбы по камню, документирующим наличие в городе монументального культового мусульманского здания и развитый характер такого вида средневекового ремесленного производства и декоративно-прикладного искусства, как художественная камнеобработка. Нынешнее местонахождение и положение надписи – в кладке северной городской стены, в перевернутом положении, на участке, подвергавшемся перестройке – указывает на то, что она была использована вторично в качестве строительного камня во время ремонтных работ на данном участке укреплений не ранее XII в.

К сожалению, мы не знаем и очевидно никогда не узнаем, какое конкретно сооружение украшала эта надпись. Можно строить только догадки.

Здесь будет уместным напомнить, что восточнее расположения данной надписи на расстоянии примерно 200 м около северной городской стены находятся остатки почтившегося мусульманского культового объекта, известного под названием араб. *Баб ал-кийама*, тюрк. *Кийамат-капы*, перс. *Дар-и Кийамат* – «Ворота Судного дня». Этот памятник, выявленный и исследованный Дербентской археологической экспедицией ИИАЭ ДНЦ РАН в 2002–2004 гг., начал функционировать, как установлено раскопками (*Наджиев М.*, 2009. Р. 29–39; *Гаджиев М.С.*, 2010. С. 20–37), примерно в то же время, когда была создана вышеупомянутая арабская надпись. И не исключено, что она происходит именно из руин этого близ расположенного памятника. В 814 г.х./1412 г. при эмире Исфандийаре здесь было построено «благословенное здание» (*Лавров Л.И.*, 1966. С. 131, № 341), т.е. мечеть или зийарат, о чем свидетельствует персидская надпись на оборонительной башне

в этом месте. Возможно, именно это сооружение в виде кубического здания с куполом изображено на некоторых старинных рисунках Дербента (гравюра Г. Сергеева 1796 г.).

А какое отношение имеет выявленная куфическая надпись к так называемой дербентской албанской надписи? Самое непосредственное. Только сейчас, спустя 15 лет после обнаружения описанной арабской надписи, было установлено на основании сличения двух надписей, что речь должна, без сомнения, идти об одном и том же памятнике эпиграфики. На приведенном рисунке (рис. 3) ясно видно, что прообразом так называемой дербентской албанской надписи, которую так долго пытались вновь найти исследователи, послужила реально существующая арабская куфическая надпись. Теперь можно уверенно сказать, что дербентской албанской надписи не существовало в природе, и можно только гадать, почему епископ Мака́р Бархударян так неадекватно скопировал эту надпись и принял ее за албанскую.

Очевидно, на это, с одной стороны, повлияло то, что надпись расположена относительно высоко, что создало трудности и грубые искажения при ее копировании на расстоянии, «на глазок», с другой, тэр Мака́р, вероятно, не был знаком с куфическим письмом. Ну и, наконец, на святого отца, по-видимому, воздействовало страстное желание найти древние албанские письмена. Ведь епископ Мака́р Бархударян для своего времени был одним из лучших знатоков истории Кавказской Албании, и понятно его, неумолимо-го краеведа, стремление обнаружить памятники албанской письменности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ачарян Р.*, 1928. Армянские письмена. Вена. (на арм. яз.).
- Бархударян М.*, 1893. Страна Алуанк и ее соседи. Тифлис, (на арм. яз.).
- Гаджиев М.С.*, 2010. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь проф. А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.
- Гаджиев М.С., Касумова С.Ю.*, 2006. Среднеперсидские надписи Дербента VI века М.
- Каланкатуаци Мовсес.* 1984. История страны Алуанк. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ереван.
- Карбелаишвили Д.П.*, 1935. К фонетике удинского языка // Язык и мышление. Вып. III–IV. М.–Л.
- Климов Г.А.*, 1972. Заметки по дешифровке агванской (кавказско-албанской) письменности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Вып. I.
- Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1963.
- Лавров Л.И.* 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М.
- Лолуа Р.*, 2008. К вопросу кавказско-албанских эпиграфических памятников на территории Дагестан // Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Махачкала.
- Майсак Т.А.*, 2010. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря (Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds.). The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. 2 vols. Turnhout: Brepols, 2008) // Вопросы языкознания. № 6.
- Муравьев С.Н.*, 1981. Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. VIII. Тбилиси.
- Смбатян М.*, 1896. Описание древностей Шемахинской епархии. Тифлис. (на арм. яз.).
- Тревер К.В.*, 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л.
- Шанидзе А.Г.*, 1938. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия Института языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР. Т. IV. Вып. 1. Тбилиси.
- Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P.* (eds.), 2008. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. 2 vols. Turnhout: Brepols.

Hajiev M., 2009. Bab al-Qiyama: a Medieval Cultic Site in Derbend // Islam and Sufism in Daghestan. Ed. by Moshe Gammer. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Vol. 352). Helsinki.

Рис. 1. Так называемая дербентская албанская надпись

Рис. 2. Арабская кувфическая надпись.

а

б

в

- а - фотография арабской кувфической надписи
- б - прорисовка арабской кувфической надписи с обозначением литер, послуживших основой для так называемой дербентской албанской надписи
- в - знаки так называемой дербентской албанской надписи